

С. Н. Дурьлинъ.

НАЧАЛЬНИКЪ ТИШИНЫ.

Изданіе „Религіозно-философской Библіотеки“.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св. - Тр. Сергіевой Лавры
1916.

„Религіозно-філософская Библіотека“.

Выпуски „Религіозно-філософской Библіотеки“.

Выпускъ I-й: „Забитый путь опытного Богопознания“ М. Новоселовъ. Изд. 8 е, переработанное и дополненное. Цѣна 25 коп.

Выпускъ II-й: „Исканіе Бога“. Сборникъ. Ог. Никола, гр. М. М. Сперанскій, еп. Игнатій Брянчаниновъ, К. Рыльцевъ и др. Изд. 8-е, дополненное. Цѣна 50 коп.

Выпускъ III-й: „Вѣчная жизнь, какъ высшее благо“. Архiep. Сергій. Изд. 2-е, переработанное. Цѣна 30 коп.

Выпускъ IV-й: „Соціальное значеніе религіи и религіозной личности“. Сборникъ. В. С. Соловьевъ, С. М. Соловьевъ, Ф. М. Достоевскій, С. В. Ешевскій, Л. А. Тихомировъ, А. И. Герцагъ. Изд. 2 е, переработанное. Цѣна 30 коп.

Выпускъ V-й: „Личность, общество и Церковь“. Л. Тихомировъ, К. Пободоносцевъ. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. Цѣна 30 коп.

Выпускъ VI-й: „Молитва Господня“ въ изъясненіи Влад. Соловьева и М. Московскаго Филарета. Цѣна 20 коп.

Выпускъ VII-й: „Значеніе освобожденнаго слова для личности, общества и церкви“. Сборникъ. А. С. Хомяковъ, К. и И. Аксаковы, Влад. Соловьевъ. Цѣна 20 коп.

Выпускъ VIII-й: „О цѣли образованія“. Сборникъ. Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Янъ Амосъ Коменскій, Филаретъ, м. Московскій, архіепископъ Ниланоръ, еп. Теофанъ; Влад. Мономыхъ, проф. В. И. Несмеяновъ. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Цѣна 35 коп.

Выпускъ IX-й: „Альтруизмъ и христіанская любовь“. Л. Тихомировъ.—Еп. Теофанъ. Изд. 2-е, дополненное. Цѣна 20 коп.

Выпускъ X-й: „Религія и нравственность“. Сборникъ. Л. Толстой, проф. Кудрявцевъ-Платоновъ, проф. Гусевъ и др. Цѣна 30 к.

Выпускъ XI-й: „Нравственный смыслъ основныхъ христіанскихъ догматовъ“. Архiep. Автокій (Храповицкій). Цѣна 25 к.

Выпускъ XII-й: „Что такое Библия“. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Цѣна 35 коп.

Выпускъ XIII-й: „Какъ читать Библию“. Цѣна 35 коп.

Выпускъ XIV-й: „Смыслъ мировой исторіи“. Влад. Соловьевъ. Цѣна 15 коп.

Выпускъ XV-й: „О самопознаніи“, Джонъ Месонъ.—Проф. В. Карповъ. Цѣна 20 коп.

Выпускъ XVI-й: „Первоначальная Христіанская Церковь въ Іерусалимѣ“. Федоръ Самаринъ. Цѣна 25 коп.

Выпускъ XVII-й: „О Церкви“. Ог. Никола. Цѣна 30 коп.

Выпускъ XVIII-й: „О благодати и таинствахъ“. Огюстъ Никола. Цѣна 20 коп.

Выпускъ XIX-й: „Церковь“. Влад. Соловьевъ. „Нравственная идея догмата церкви“. Архiep. Автокій. Цѣна 25 коп.

Выпускъ XX-й: „О смыслѣ жизни“. Часть первая: а) „Эвдемонизмъ, утилитаризмъ и стоицизмъ, какъ принципы жизни“; б) „Логическая связь вѣры въ смыслъ жизни съ вѣрой въ бессмертіе“. Цѣна 30 коп.

Начальникъ тишины.

Ты бо, Боговѣстная, Начальника тишины
Христа родила еси, Едина Пречистая.
Изъ Богородичаго канона.

I.

Въ нашемъ воспріятіи родина всегда дwoится—до противоположности, до несоединимости,—на *Россію* и *Русь*. Какъ хорошо знаемъ мы первую и какъ мало вторую!—такъ мало, что даже спрашиваемъ себя часто: да есть-ли вторая? есть-ли Русь? что если, въ дѣйствительности-то, и есть только одна Россія, Русь-же, особенно съ прибавкой: *святая*—лишь мечта, славянофильскій призракъ, православный самообманъ, націоналистическая ложь? Достаточно одного примѣра, чтобы показать, какъ близки мы къ такому заключенію. Святая Русь—это Россія въ храмѣ, на молитвѣ, передъ образомъ, Россія съ восковой свѣчкой въ рукѣ, съ радостью и упованіемъ о Христѣ въ сердцѣ, съ вѣдѣніемъ Его—въ разумѣ, съ устремленіемъ своей воли къ Его волѣ: „да будетъ воля Твоя“. Гдѣ жъ *эта* Русь—въ нашей новѣйшей исторіи, въ государственномъ дѣйствованіи, въ нашемъ общественномъ сознаніи, въ философскомъ построеніи, въ литературѣ, въ искусствѣ? Гдѣ жъ *эта* Русь, которую „въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ, благословляя“?—(Назову ее Тютчевской Русью, по имени поэта, такъ живо и глубоко ее восчувствовавшего,—въ отличіе отъ той Гоголевской Россіи, которую извѣдиль въ брчкѣ Чичиковъ и которая такъ всѣмъ извѣстна: сказаніями о ней заполняются ежедневно столбцы газетъ, которая такъ легко примѣтна и такъ явна).—Признается обычно, что русская литература—выразительница нашей русской подлинности, нашего русскаго лица.

Такъ ли это?

До чего было мало храма въ русской литературѣ! Не оттого-ли большинству писателей и читателей нашихъ Россія всегда представлялась только Гоголевскою Россіей, населенной городничими, помѣщиками, мужиками Глѣба Успенскаго, чиновниками Щедрина, интеллигентами Чехова, а Тютчевская Русь—Русь преподобнаго Серафима и прибѣгавшей къ нему милліонной вѣрующей Россіи—казалась правднымъ славянофильскимъ вымысломъ, религиозно-романтической мечтой, мессіанистическимъ вадоромъ! У Гоголя, у вѣрующаго и православнаго Гоголя, все его *художественное* слово прошло мимо храма, молитвы, вѣры, мимо Руси: если Чириковъ, бѣдный Акакій Акакіевичъ, городничій—на первомъ планѣ, загораживая собою всю Россію, если добродѣтельные помѣщики 2-го тома—на второмъ, то храмъ и церковь—просто—ни на какомъ, какъ будто ни его, ни того, что около него и отъ него, никогда и не было въ Россіи. Послѣ Гоголя такъ у всѣхъ, кромѣ Достоевскаго и Лѣскова: у Гончарова храмъ и Россію около храма стали загораживать Обломовы, у Тургенева—лишніе люди (только Лиза да „Живыя мощи“—исключеніе), у Островскаго—самодуры „темнаго царства“, у Чехова—безконечные интеллигенты, о Щедринѣ—и говорить нечего. Выходило такъ, что ни у мужиковъ—а они-ли не прилежны ко храму, не прибѣгали къ Заступницѣ Усердной!,—ни у купцовъ—а они-ли не радѣтели хотя бы обряда и быта, создавшихся около церкви!,—ни у дворянъ—бѣдили же и изъ нихъ многіе къ старцу Серафиму въ пустыньку, вышли же изъ нихъ славянофилы съ Иваномъ Кирѣвскимъ!,—ни у кого не было никакой связи съ храмомъ, никакого касанія къ нему; выходило такъ, что въ русской жизни не было ничего изъ того, что накалывалось вѣками вокругъ храма и церкви и что вольно или невольно сочилось изъ нея въ жизнь, въ семью, въ личность, въ исторію: ни чувствъ, ни мыслей, ни душевныхъ движеній, ни дѣйствій, связанныхъ съ нею или отъ нея какъ-то зависящихъ. Перечтите повѣсти Тургенева, романы Гончарова, драмы Островскаго, рассказы Чехова—что узнаете вы изъ нихъ о *страдающемъ* русскомъ народѣ, о народѣ, не только страдающемъ, нуждающемся въ социальныхъ и политическихъ переустройствахъ, но и *живущемъ отъ Церкви и церковно*

укрѣпляющемъ себя молитвой, просвѣтляющемъ себя вѣрой въ Христа. Пьютъ, ѣдятъ, пашутъ, страдаютъ, бунтуютъ, скорбятъ, разсуждаютъ, умираютъ — когда же и какъ молятся, вѣрують, живутъ въ Церкви? или, можетъ быть, вообще не живутъ въ ней, и она—какой-то добрый миражъ: ужъ не славянофилы-ли и ее выдумали за одно со „святой Русью“? Въ интеллигентскомъ сознании и представленіи эти ѣдящіе, пашущіе, страдающіе, бунтующіе, разсуждающіе мужики, помѣшники, чиновники и интеллигенты застали, заслонили собой, вытѣснили тѣхъ помѣшниковъ, интеллигентовъ и мужиковъ, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано исторіей и которые на верху дали Хомякова, Тютчева, Достоевскаго, Кирѣевскихъ, Самаринскихъ, Аксаковыхъ, людей вѣры и мысли, а внизу тѣхъ безсчетныхъ праведниковъ народной вѣры и воли, которые, какъ святой обрядъ, проводили свою тяжкую жизнь, какъ праведники, умирали и, какъ грѣшники, своей народной душой вѣскали правды Христовой въ Саровѣ, въ Оптиной пустыни, всюду и вездѣ. Высочайшая точка новой русской исторіи, средоточіе всей ея духовной силы и красоты, благодатный алмазъ Руси, преподобный Серафимъ Саровскій—дитя этой Руси, вышедшій изъ того „темнаго царства“, которое такъ шумливо высмѣивалось умниками 60-нхъ годовъ,—и если-бъ мы не знали ничего и ни о комъ иномъ, одинъ фактъ существованія преи. Серафима открылъ бы предъ нами существованіе въ Гоголевской Россіи—*святой Руси*.

Неполновѣсность, неполнота, явная недостаточность той Россіи, которую открывали Гоголь и педшіе за нимъ, сопровождались губительной неполнотою нашего воспріятія и представленія Россіи. Мы съузили, обезкрылили, обездушили Россію, сведя ее всю на Россійскую имперію, нуждающуюся въ реформахъ, конституціи и интеллигентахъ. Именно эту Россію,—на самомъ дѣлѣ лишь часть подлинной Россіи,—мы знаемъ по преимуществу, если не исключительно, именно отъ нея страдаемъ, мучаемся ея судьбами, огорчаемся ея неудачами, и когда намъ кажется, что *эта* Россія гибнетъ, когда *ей* угрожаетъ смертельная опасность, намъ представляется, что гибнетъ *вся* Россія. Намъ представляется, что Россія исчерпаема ея историческими добродѣтелями и грѣхами, социальнымъ и общественнымъ ея тѣломъ, ея эмпирикой, и когда здѣсь

намъ видится нѣкое дно, нѣкое темное и безвыходное дно, будетъ ли это историческая неудача или социально-политическій тупикъ,—намъ уже начинаетъ казаться тогда, что исчерпана вся Россія, что мы, дѣйствительно, дочерпались до ея подлиннаго, послѣдняго, окончательнаго дна, которое плоско, мутно, вязко,—и тутъ насъ охватываетъ безудержное отчаяніе. Нѣтъ надобности напоминать о немъ: переживалось оно послѣ 1905-го года, переживаетъ его значительная часть нашего общества и нынѣ, въ дни войны, влекущіе грозныя ^{и сны!} надежды и отчаянія. Мы забываемъ, что за этимъ дномъ, за этой мутной толщей русской эмпирики политической, государственной, социальной, общественной, начинается подлинная русская глубина—начинается Церковь, начинается русский народъ, живущій въ Церкви и церковно, какъ часть Церкви Христовой, т. е. часть Тѣла Христова. Изъ-за Россіи мы часто не видимъ Руси, но оттого мы не видимъ по-настоящему и Россіи. И часто вспоминаешь слова Тютчева о „гордомъ взорѣ“, который здѣсь оказывается взоромъ не иноплеменнымъ, а своимъ же русскимъ, и который всетаки, какъ и тотъ.

Не пойметъ и не замѣтитъ,
Что сквозить и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Эта нагота всяческая: и государственная, и социально-политическая, и бытовая, и психическая, и просто физическая нагота. удручающа въ Россіи, глубокой тоской она ранитъ насъ всѣхъ и заститъ намъ то, „что сквозить и тайно свѣтитъ“ за нею. Въ эту наготу упирался нашъ взоръ непрерывно—и упирается доселѣ. Но прикрываемъ-ли и исцѣпляемъ-ли эта нагота съ ея ранами и язвами безъ вѣры въ *святѣе* за ней? Въ наши тяжкіе и грозные дни позволительно и другой вопросъ: переносимъ-ли, стерпимъ-ли для глаза самый видъ этой *наготы*,—если не разглядѣть сквозь нее хотя бы самый слабый и тусклый лучикъ этого тайно свѣтящаго свѣта? Думаю, что нѣтъ; думаю, что если за безудержнымъ плачемъ Россіи не разслышать хотя бы полуслова молитвы Руси, если за мятушейся смутой и кипѣніемъ Россіи не познать хотя бы на мгновеніе благодатнаго Христова покоя и тишины той Руси,—думаю, тогда не выдержать, не перенести ни этого плача, ни этого мятежа и смуты.

Все послѣдующее—лишь попытка показать, описательно и неполно, два слабыхъ и мгновенныхъ касанія къ этому „тайно свѣтящему“ Руси, которыя однако, при явной неполнотѣ, слабости и краткости, сдѣлали для меня переясаннымъ видъ наготы русской, — наготы матери моей, родины,—въ наши страдныя дни.

Мнѣ кажется, что на совсѣмъ простыхъ и самыхъ обыкновенныхъ рядовыхъ людяхъ русскихъ я увидѣлъ, тоже совсѣмъ просто и явно, малый и скудный, но подлинный отблескъ того, „что сквозитъ и тайно свѣтитъ въ наготѣ“ современной Россіи.

Вотъ и все, о чемъ я хочу рассказать.

II.

Лѣто 1915-го года на сѣверѣ и въ средней Россіи было ржаное лѣто.

Хлѣба стояли высокіе и густые. Въ круглыхъ котловинахъ,—а ихъ много въ поляхъ нижегородскаго Заволжья,—рожь зыблилась и играла, какъ ребенокъ въ зыбкѣ. Тихо плескались перепела въ самой густиной ржи. Рожь, какъ молодая русая богомолка, низко была поклоны до земли и быстро поднималась съ нея, стройная и высокая. Васильковъ было мало—и тѣмъ крупнѣй и снѣжнѣй казались ихъ живые самоцвѣты въ сіяющемъ ржаномъ золотѣ. По вечерамъ пахло медвяно и густо арѣющей рожью и тепломъ, мягкимъ, землянымъ, хлѣбнымъ. Урожай—вотъ что значило все это: урожай даже тамъ, гдѣ почти не бываетъ урожая—въ глинистомъ скудномъ нижегородскомъ Заволжьѣ.

Въ Москвѣ, среди интеллигентовъ, среди всякихъ народолюбцевъ, объ этомъ говорилась мимоходомъ:

— Да, урожай. Но какъ-то мы его реализуемъ? Вагоновъ не будетъ. Хлѣбъ будетъ гнить. Конечно, урожай. Но вѣдь мы и съ урожаемъ не справимся.

Иные добавляли:

— Знаете, однако, урожай, это—новый союзникъ противъ бѣмцевъ.

И завязывался обычный разговоръ на полетико-экономическую тему.

Въ Заволжьѣ-же, на десятки и сотни верстѣ вокругъ озера Свѣтлояра, урожай—это была всенародная радость, тихая, сосредоточенная, глубокая.

— Будемъ съ хлѣбомъ,—говорили всѣ, прибавляя неизмѣнно: если Богъ дастъ убрать...

Но за этимъ, за радостью о пасущемъ хлѣбѣ, была и совсѣмъ другая, еще болѣе утаенная и благоговѣйная радость:

— Уродилъ Богъ. Значить, не до конца прогнѣвали.

Это было знаменіе Божіей милости: ржаное поле, полное подпоясаннымъ хлѣбнымъ золотомъ, стало радугой, знаменующей, что гнѣвъ Божій пройдетъ, а милость останется:— вотъ, не отвѣля-же хлѣба пасущаго,—значить, жить еще будемъ, значить, хочеть, чтобъ Россія жила.

Мужики, сурово-тихіе и спокойные, заходили на межу и равнялись ростомъ съ колосьями: выходило, что рожь выше роста человѣческаго. На вопросъ: — „Ну, какъ рожь? хороша?“ — отвѣчали, какъ про живого ребенка, который растеть не по днямъ, а по часамъ:

— Вотъ какъ: медвѣдь медвѣдемъ стоитъ.

И опять тѣ же, все тѣ же слова:

— Уродилъ Господь. Обрадовалъ: не въ конецъ гнѣвъ Его.

— Не до конца. Не вовсе отвратилъ лицо. Обрадовалъ.

И крестились всѣ, разомъ, и вздыхали, и опять крестились.

Было ясно для меня: этотъ созрѣвавшій хлѣбъ ржаной они принимали, какъ хлѣбъ небесный.

Двоилась родина: *Россія* учитывала, сколько уродится пудовъ, сколько потребуетъ вагоновъ, какіе будутъ неурядки на желѣзныхъ дорогахъ, какія спекуляціи создадутся на почвѣ урожая, какъ будетъ дѣйствовать или бездѣйствовать правительство, — *Русь* же радовалась, что Богъ не до конца забылъ ее, не до конца, не до смерти казнить ее, а вотъ шлетъ ей земную радугу—золото урожая, но она — только предвѣстіе иной радости: золота небеснаго, пребыванія въ милости и любви Господней.

Рожь плавными, широкими, уходящими за окомъ рѣками вливается въ тихо плещущее, свѣтлое, круглое озеро. Съ другого берега къ нему подходитъ вплотную и наклоняется надъ нимъ лѣсъ. Кажется, что ржанья волны безшумно и плавно вольются сейчасъ въ рябющую на вѣтру воду. И волну-

ются волны земныя и волны водныя, а надъ ними, въ снѣгъ небѣ, волнами проходятъ облака.

Сюда, къ этому озеру, затерянному во ржи и въ лѣсахъ, сходятся на Владимірскую, на почъ съ 22 на 23 іюня, въ самый разгаръ сельскихъ работъ, взыскующіе града невидимаго, Китежа, тоскующіе по Церкви Христовой, ищущіе Ея Соборную, Вселенскую, Вѣчную,—или враждующіе съ Нею, сторонящіеся Ея, и все-таки влекущіеся сюда же, гдѣ такъ ясна Ея правда, гдѣ такъ видны Ея невидимыя стѣны, гдѣ ближе и необходимѣй глубокая жизненная нужда не просто въ вѣрѣ, не просто въ Богѣ, а въ церковной, соборной вѣрѣ — въ Церкви, соединяющей Бога и человека неразрывно и нерушимо. Такъ было долгія десятилѣтія: каждый годъ сходились сюда и молились всѣ сообща, разными молитвами, но объ одномъ: чтобъ быть всѣмъ въ Богѣ въ одно тѣло и въ одну душу, и въ духъ одинъ — молились о Церкви ¹⁾. Такъ было, но ѣхалъ я и думалъ: А теперь сойдутся ли?

Не подавила ли *Россія* своими бѣдами и испытаніями и этихъ, которые больше отъ *Руси*, чѣмъ отъ *Россіи*? Взыскивать Невидимаго Града, когда одинъ за другимъ разоряются видимые города, свои же, кровные; молиться на незримыя стѣны Китежа, когда падаютъ съ потрясающей быстротой крѣпчайшія стѣны крѣпостей, гдѣ же силы на это? И какія же должны быть эти силы? И все-таки вѣрилось, что придуть, сойдутся, помолятся. И пришли, и помолились.

Притихла *Россія*—та *Россія*, что и тамъ есть, на Сеѣтлоярѣ. Нѣтъ пѣсень, нѣтъ шума. Ярмарка, раскинувшаяся вблизи озера, словно бы и не ярмарка: такъ тихо и мирно: истово ѣдятъ за столами, въ палаткахъ, утыканныхъ березками; подаютъ гроши нищимъ, пьютъ сонтень, поятъ лошадей; старушки у озера ищутъ цѣлительную травку. А на лѣсистыхъ холмахъ у озера уже собираются пришедшіе издалека на китежскій день и китежскую ночь. День облачный. Будеть, должно быть, гроза. Смотришь на эти круги народа, тихо и чинно собирающагося въ лѣсу, гдѣ-нибудь на хвой-

— — — — —
) Сказанію о незримомъ Градѣ Китежѣ и уясненію его религіознаго смысла посвящена моя книга: „Церковь невидимаго града. Сказаніе о градѣ Китежѣ“. М. 1914 г. К-во „Путь“.

ной полянкѣ, и думаешь: „Война, да вѣдь война же? А развѣ они о ней? И если даже о ней, то такъ ли говорятъ о ней, какъ мы, тамъ, въ городахъ?“

Не то говорятъ, не о томъ говорятъ и не такъ говорятъ.

Никогда не слыжалъ ни одного спора въ кругѣ, въ который собралнсь люди разновѣрные, разномысленные, виѣшне-чужіе, внутренне-ближкіе этой русской неутолимоѣ жадной— „взыскивать града незримаго“. Кругъ начинается съ двухъ-трехъ человекъ. Затѣваютъ не споръ, не дискуссію, какъ мы, а „пытаютъ“ другъ у друга: „Бога какъ вѣдаешь? Кому молишься?“ Отвѣчаютъ. Слушаютъ отвѣты. Подходятъ новые, другіе, третьи—слушаютъ. Если-бы имъ предложить председателя—и сѣсть ему не на чемъ: развѣ на пенькѣ, и не пужень: улыбулись бы на это. Слушаютъ тихо, спокойно: куда спѣшить? Дѣло Божье, и нужно гнать отъ него суету. Не любятъ суеты. Слушаютъ, пока не кончить говорящій: тогда отвѣчаетъ ему кто-нибудь одинъ, или спрашиваютъ, сначала одинъ, потомъ другой. И если спрашиваніе растетъ, а отвѣты слабѣютъ, и явно становится, что не скажется что-то до конца, что правда искомая не восполнится, что уже все сказано, что могъ, говорившій, и этого мало, этимъ не напитаешь религиозной жажды слушающихъ—тотъ, кто говорилъ, самъ знаетъ, что ему дѣлать: онъ молча выходитъ изъ круга. Слушаютъ такъ, какъ мы не умѣемъ слушать. Слово для нихъ—не слово, а какая-то крышка съ бездоннаго колодца: пужно ее снять или приподнять, а тамъ глубина и вода. Какая вода? Прѣсная? Соленая? Вкусная? Горькая? Какая жизнь—въ Богѣ, или безъ Бога? И если съ Богомъ, то какъ живешь, какъ мыслишь, какъ поступаешь, какъ работу работаешь? Какъ входишь въ Бога, и какъ Богъ въ тебя? Слушаютъ иначе—иначе и говорятъ. Наши слова—ассигнаціи, которыя еще надо оплатить золотомъ, ихъ слова—золото, неумѣлой, грубой, своей чеканки, но подлинное золото. Оттого оно тяжело на вѣсъ, оттого его немного; а наши ассигнаціи и легки, и многочисленны.

Тихо, тихо въ лѣсу. А толпа тысячная. Вотъ большой и широкій кругъ. Тѣсно. Стоять плечо къ плечу. У сосны стоитъ худой съ изжелта-бѣлымъ лицомъ мужикъ, молчаливый и нищій. Мало у него словъ, а ихъ у него просятъ: пужна и его жизнь, и его мука о Богѣ, пужна вотъ этимъ

молчаливымъ и ждущимъ, и онъ знаетъ это, и говорить черезъ силу. Мука у него безсходная:

— Хоть бы одно слово о Богѣ было Божье! Всѣ слова о Богѣ человѣческія, а человѣкъ солжетъ, обманется самъ и другого обманетъ.

Онъ не сектантъ: съ такой мукой невѣрія въ слово — не примутъ ни въ одну секту.

— А Христа принимаешь?—спрашиваютъ его.

— Христа знаю, а ничего не знаю, что Его, что людское.

— Почему не знаешь? А Евангеліе читалъ?

— О Немъ писали, не Онъ писалъ. Богъ, знаешь, книгъ не писалъ,—и ничего мы не знаемъ. Божье съ человѣчскимъ смѣшалось—и разбору нѣтъ.

— Какъ же тебѣ жить-то?—жалѣютъ его.

— Живу.

И вдругъ съ глубокой и ясной тоской онъ тихо-тихо договариваетъ:

— Эхъ, если-бы отъ Него самого про Него узнать.

— Отъ кого это?

— Отъ Христа.

Мужикъ не одинъ: у него дружокъ — старикъ маленькіи сидитъ у сосны на корточкахъ. Ничего не говоритъ. Лицо дѣтское, какъ печеное яблочко, съ розовымъ запекавшимъ румянцемъ. И улыбка не сходитъ съ лица, но грустно и жалко на сердцѣ отъ этой улыбки.

— И дѣдъ такъ же? — спрашиваютъ мужика, — какъ ты?

Какъ же вы безъ Христа-то?

— Милые, какъ же безъ Христа-то?

— Что Его, что людское—не знаемъ. Его знаемъ, а про Него ничего не знаемъ.

Кто-то срыву, совнѣ, грубо выбрасываетъ слово:

— Антихристъ онъ, дѣдъ-то.

Но какой онъ антихристъ? Онъ виновато жметъ, какъ калѣка, подъ сосной и молчитъ. Онъ ни о чемъ не знаетъ: объ антихристѣ такъ же, какъ о Христѣ. Людское заститъ ему Божье—и заститъ сплошь, а смѣшаннаго ваятъ: Божьяго съ людскимъ и тамъ отыскивать чистое Божье—страшно: ну какъ людское поставишь вмѣсто Божья? И тогда вопстиню будешь отъ антихриста. И дѣдъ жметъ къ стволу сосны, приминая мохъ. Страшно—не звать!

— И ты съ ними? — спрашиваютъ парня въ суконой курткѣ, въ чищеныхъ сапогахъ, съ зонтикомъ въ рукѣ.

— Нѣтъ, я по себѣ,—отвѣчаетъ онъ.

У него лицо въ рябинахъ, бѣлое, матовое и маленькіе сѣрые глаза: они стоячіе какіе-то: остановятся на человѣкѣ и смотрять, не двигаясь, остро, сверлисто, одиноко, — но больше всего одиноко.

— Я по себѣ,—повторяетъ онъ.

— Объяви, къ кому прилежишь, — проситъ молоденькій миссіонеръ изъ семинаристовъ.—Какъ зовутъ?

— Какъ ни зови, все будетъ вѣрно.

И отрывисто, не спѣшно, парень заговорилъ: было видно, какъ онъ внутри себя что-то пропускалъ, что-то обходилъ, но *главное* было—и было сказано просто, ясно и крѣпко. И нестерпимымъ одиночествомъ вѣяло отъ этого: какъ будто растрескались губы, запекшіяся отъ религіозной жажды, и готовы пить всякую воду, гнѣющую, тинистую, лишь бы *пить*. Тѣло и духъ—двое въ человѣкѣ, какъ этажъ на этажѣ; они только вѣшне сцѣплены: внутри ничего нѣтъ общаго, все свое у каждаго, и каждый ведетъ свою жизнь за одного себя. Грѣха нѣтъ: его не можетъ быть.

— А блудъ?

— Нѣтъ его. Плоть блудила, не я.

— А если убилъ, а ограбилъ?

— Не я убилъ, не я ограбилъ: *плоть*.

Плоть блудитъ, *плоть* грабитъ, *плоть* убиваетъ. Духъ не при чемъ. Не духово дѣло. Плоти дѣло. Въ ея дѣлѣ духъ не участвуетъ. И захотѣлъ бы—не можетъ.

— А если умрешь?

— Плоть умереть. Сгніетъ, какъ песь.

— А духъ?

— Духъ увидеть.

— А душа?

— Нѣтъ ея.

Опасливо и осторожно разспрашиваютъ: какъ же такъ? страшно тебѣ въ твоей пустынѣ-то? какъ же ты можешь это вмѣстить въ себѣ? какъ же можешь жить съ этимъ?—вотъ о чемъ хотять знать. Говорять со строгостью и глядеть съ суровымъ вниманіемъ.

— Какъ же ты? а если согрѣшишь, сблудишь, солжешь?

— Пусть ее отблудится, отолжется. На то она и плоть. А я и захочу сблудить—не могу. Духъ безблуденъ. Овъ не при чемъ. Не его дѣло.

— Господи!—вздыхаетъ кто-то въ кругѣ. И страшно, и тихо звучить на этотъ разъ Имя Божіе.

— Тѣло, значить, плоть блудить?—спрашиваютъ парня.

— Плоть.

— А духъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— А мертвый человѣкъ блудить можетъ? Убить можетъ?

— Не можетъ.

— Какъ же? мертвый вѣдь тоже тѣло,—тѣло, выходить, осталось, духа нѣтъ, а убить не можетъ. Какъ же ты?

Разсудочно доказано, логикой убѣжденъ парень. Овъ и уходитъ изъ круга, но овъ тотъ же, овъ съ своей страшной и упорной силой, со своей пустыней. Этой логикѣ овъ сказалъ: да, правильно; возраженіе овъ призналъ; да, пью гнилую воду. Но что же? И вопреки логикѣ будетъ жить, какъ жилъ, только бѣлое лицо еще блѣднѣй. Нѣтъ у него иной воды, живѣй и чище, за нею и пришелъ сюда, къ Незримому Граду. Пока же и своей мутной воды боится лишиться. Овъ уходитъ однакъ куда-то въ лѣсъ. Я не могъ его найти потомъ.

Второй кругъ еще больше, еще сложнѣй. Не передашь, не расскажешь, какъ общая боль, общая надежда о Церкви написаны здѣсь на каждомъ лицѣ, вкраплены въ каждую душу, запечатлѣны въ каждомъ словѣ. Тутъ самое важное, опредѣляющее все другое: *Христосъ и Церковь*. Ясно одно: если принять Его всего, всецѣло, до конца, съ Нагорной Проповѣдью, съ Страшнымъ Судомъ, съ Голговою, съ Воскресеніемъ, съ Апокалипсисомъ, если принять Его, о Которомъ ангелы пѣли, какъ о принесшемъ „на землю миръ“ и Его же, принесшаго „не миръ, но мечъ“,—то примешь и Церковь Его. Если же выберешь по своему произволу нѣчто изъ Христа—или нагорную проповѣдь, или Апокалипсисъ, то не примешь Церкви, увидешь изъ Нея, возненавидишь—и будешь вновь искать Ее, ибо нѣтъ жизни внѣ и безъ Нея. Вотъ рѣчь идетъ о томъ, есть ли въ Церкви теперь, въ наши дни, учителя, священники и пророки.

— Нѣтъ,—говорятъ одни,—молчатъ пророки, нѣтъ учителей. Поповъ сколько хочешь.

— Есть. — отвѣчаютъ имъ. — Есть и будутъ. „Созиджу Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ Ея“.

Стоитъ мужикъ въ кругу — высокой, сѣдой, съ высокимъ лбомъ на умномъ открытомъ лицѣ. Сколько воли и силы въ этомъ лицѣ, и какъ оно могуче-прекрасно! Всѣ зовутъ его по имени и отчеству. Многие уже встрѣчались съ нимъ раньше. Онъ ни съ кѣмъ не согласенъ, но и нѣтъ у него несогласія:

— Что спорить! Всѣ правы, никто не правъ.

Для него покончено со всѣмъ:

— Христа слушалъ — до Откровенія все явно Онъ вель, всѣ нитки къ одному, все въ одно мѣсто, а тамъ все Христосъ спуталъ, все перепуталъ и въ узелъ связалъ накрѣпко. Не развяжемъ. Ничего не видно. Конца нѣтъ. Ходилъ я. Будетъ съ меня. Пятнадцать губерній обошелъ—концы искалъ: гдѣ спрятаны, въ какой вѣрѣ обозначатся. Не видать. Не нашель. Живу—и нѣтъ ничего.

— Ничего нѣтъ?

— Будто ничего, — отвѣчаетъ. — Живешь — ничего будто нѣтъ, а только если запутаешься въ чемъ, заминка выйдетъ,—будто тутъ что-то и обозначится и окажется, какъ будто и есть.

— Богъ это,—сказали въ толпѣ.—Это Онъ.

— Не знаю. Будто нѣтъ, а будто и Онъ.

— Онъ,—отвѣчаютъ въ толпѣ.—Никто, какъ Онъ.

— А ты что про Христа скажешь?—спрашиваютъ молодого русаго мужика. У него улыбка чуть не шире лица. У него такая радость въ улыбкѣ и въ глазахъ голубыхъ и дѣтски-ясныхъ. Прапраправнукъ онъ Микулы Селяниновича.

— Про Христа ничего не могу. Гдѣ мнѣ о Немъ, о Христѣ-Батюшкѣ!

И обращается къ миссіонерамъ, ходившимъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ озера съ иконой Владимірской Богоматери:

— Зачѣмъ вы Владычицу-то противъ солнышка несли? Охъ, Господи! Владычицу самой противъ солнышка!

И такъ обидно ему за Нее, Матерь Свѣта, что несли Ее противъ солнышка — противъ милаго, яснаго, тихаго сол-

вышка, что всё улыбаются на него и радуются, и утѣшаютъ его миссіонеры:

— Приходи завтра: по солннышку понесемъ.

Ночь пришла. Зажглись костры въ лѣсу. Зажглись звѣзды въ небѣ, зажглись восковыя свѣчки въ лѣсу у деревьевъ, на кустикахъ, у озера на обрубочкахъ. Вокругъ озера, молясь Невидимому Граду—Церкви, пошли со свѣчками. Тихо, тихо. Лѣсъ шумитъ. Тѣни бродятъ у костровъ. И люди — какъ тѣни, неслышныя и тихіе. Разговоръ о войнѣ, о Вильгельмѣ, о злѣ, хлынушемъ съ запада на Русь. И говоритъ старушка въ кругъ:

— А спасемъ-ли, родимыи, — ненавѣстно. Божій совѣтъ невѣдомъ. Время грозное. Звѣрь вышелъ изъ бездны, и цари земныя ратоборствуютъ звѣрю. Іоанново Богословово время, имъ предреченное. „Кто подобенъ звѣрю сему?“ Звѣрь грызетъ, и пагубу дѣветъ, и брани поднимаетъ. Грѣхи наши изъ бездны звѣря вызвали, грѣхомъ его, проклятаго, питаемъ.

Она знаетъ Апокалипсисъ наизусть, она думала надъ нимъ всю свою жизнь, для нея все, что есть и что будетъ въ мірѣ, заключено и открыто тамъ, въ Апокалипсисѣ; она тиха, и строга, и молитвенна. Какое милое старое лицо! какъ у старой няни, доброй, знакомой, — и няня говорить о послѣднихъ тайнахъ. Что же это?

Но просто то, что она говоритъ. Для насъ всемірная исторія — нѣкая безконечность, неопредѣляемая предѣломъ длительность, для нея, какъ и для народа, всемірная исторія есть úповодъ, срокъ, само въ себѣ ограниченное время, Богомъ данное человѣчеству. Богомъ дана власть и возможность человѣчеству: въ этомъ времени — опредѣлить себя къ Богу или къ дѣволу, свободно избрать, свободно творить жизнь. Но вотъ — край времени. И если не успѣлъ сдѣлать своей всемірной исторіи къ тому моменту, какъ подошелъ къ краю времени, — все равно, ничего не сдѣлаешь: „времени больше не будетъ“. Мы и стоимъ нынѣ на краю времени: и Россія, и всѣ. Сколько еще осталось этого края — неизвѣстно. Но край виденъ: „времени больше не будетъ“. Исторіи ковецъ.

— А можетъ быть, помилуетъ Богъ? Бабушка, милости у

Него — неизмѣримо. — Можетъ быть, сохранить Рассею? — спрашиваютъ у старушки.

— Если сроку прибавить Батюшка, то и не лишимся всё живота, и Рассея будетъ.

Сроку прибавить — значить, отсрочить день, первый страшный день, когда „времени больше не будетъ“.

Молиться о продленіи срока всемірной исторіи — вотъ къ чему зоветъ старуха. И молятся, и просятъ, чтобъ не упразднилъ Господь время и продлилъ срокъ всемірнаго дѣланія человѣчества. Такъ молясь, молятся и за Россію, и за всю вселенную.

Глухая ночь. Поздно: два часа. Въ глубинѣ лѣса, у красныхъ костровъ, поютъ. Сквозь сосны, какъ серебро, свѣтятся озеро, какъ серебряное подножіе бѣлыхъ стѣнъ невидимаго града Китежа.

— „Ангельскій соборъ удивися, зря Тебе въ мертвыхъ амьнишиася“ — поютъ у костра, въ кругѣ. Тихо, тихо. Не будетъ времени, но сердце знаетъ: упразднится смерть: „смертную же, Спасс, крѣпость разоривши“. И безконечная надежда радуетъ всѣхъ китежскою неарною радостью. — „И отъ ада вся свободиши“. И уже не скорбь, какъ теперь, а радость будетъ тогда отъ того, что „времени не будетъ“. Вдругъ кто-то не выдерживаетъ радости этой ночи, этихъ звѣздъ, этого свѣта и этого пѣнія о Побѣдившемъ смертью смерть, и само собой срывается у него, какъ вздохъ, всѣмъ слышимый и благодарный: „Господи, какъ хорошо!“

И кажется, это не онъ, а невидимая Русь сказала отъ всего сердца своему Христу, сказала за себя, за свою природу, за свою исторію, за свой трудъ, за испытаніе свое огнемъ войны: „Господи, какъ хорошо!“ Ибо все — не безъ Его воли и не въѣ Его силы и власти.

Совсѣмъ, совсѣмъ поздно. Холодно. Свѣтаетъ. Послѣдній кругъ. Тутъ всѣ въ сборѣ — православные, старообрядцы, рационалисты, немоляки, и тѣ, кому нѣтъ прозвища, пришедшіе къ Китежу въ надеждѣ и жаднѣ. Молодой начетчикъ кричитъ на всю поляну, — такъ, чтобъ всѣ слышали:

— Царь нашъ Николай далъ вѣрѣ нашей свободу, а царь

ихъ Вильгельмъ отниметь вѣру, всю вѣру порѣшить и покончить! Стойте крѣпко за царя! Тотъ все порушить, всякую и всяческую вѣру упразднить, гоненіе поднять. Всѣ вѣры запретить и старую, и церковную, и сектантскую. Бога запретить всякаго, совсѣмъ и навсегда. Никому вѣрить не позволить! Стойте до послѣдняго!

— Антихристъ, безвѣрный—шепчуть въ толпѣ.—Впередъ посланъ. Первые пути прокладать... Путь его обозначился.— Стойте всѣ вѣры за Русь! Тотъ всѣ вѣры упразднить.

Это, кажется, общее убѣжденіе на Свѣтлоярѣ: побѣда Германіи—конецъ вѣрѣ, всякой вѣрѣ. Они всѣ знаютъ,—точно сказали имъ изъ невидимаго Китежа праведники и святые,—что побѣда Германіи, въ духовномъ планѣ, принесла бы намъ ядовитые газы безвѣрія, антихристіанства, вражды ко Христу и грубаго, откровеннаго матеріализма — житейскаго, государственнаго, научнаго—торжество атеизма. И вотъ, всѣ—православные, старовѣры, сектанты, всѣ, на правыхъ и неправыхъ путяхъ, но не мимо Бога ходящіе, всѣ—кричатъ: „Стойте крѣпко!“ А тамъ, на позиціяхъ, слышатъ этотъ крикъ изъ Китежа, и стоятъ крѣпко, до кровей, до крѣпости смертной.

Какіе ядовитые газы намъ страшны, если въ народѣ такая благоухающая жажда вѣры, такіе алавастры мѣра самаго цѣлительнаго и святаго! Вотъ овъ, источникъ нашей исторической бодрости, народной бодрости. Война—испытаніе вѣры, она послушаніе, налагаемое Богомъ на вѣрнаго послушника своего. Ни слова унынія не слышалъ я на Свѣтлоярѣ ни отъ кого изъ разновѣровъ. Всѣ бодры, тихи и крѣпки: такіе-то и страшны врагу; около нихъ зато не страшно за Россію. Что же страшнаго? отъ чего унывать? Душа жива, духъ живъ — а жизнь его оттуда, гдѣ не прекращается жизнь, изъ Невидимаго Китежа. Овъ—твердыня, камень невидимый. Церковь незримая неотлучна отъ насъ. Плачемъ о Ней, порою забываемъ Ее, отходимъ отъ Ней, но вотъ и отдыхъ свой несемъ къ Ея же стѣнамъ, и забвеніе свое приносимъ къ Ней же, и всѣ тяготѣемъ къ Ней, вольно и неволью, любовно или скорбно. Она не только „столпъ и утвержденіе истины“ — Она утвержденіе жизни, Она источникъ бодрости народной. У тебя сомнѣніе?—неси его къ Ней. У тебя радость?—неси къ Ней же. У тебя скорбь?—къ Ней же. И несутъ, и топятъ

Начальникъ тишины.

свое личное—въ ея сверхличномъ, свое робкое и слабое—въ ея вѣчно-бодромъ и живомъ.

Церковь незримая — вотъ сердцевина Руси, ея крѣпкое мѣсто, ея неприступный врагу бѣлостѣнный Градъ Китежъ. Тотъ, кто прибѣгъ къ его стѣнамъ, не знаетъ страха—а если и узнаетъ, такъ изгонится страхъ звономъ китежскимъ, который поистинѣ слышенъ въ эту ночь вѣры, сущей или искомой. Церковь незримая—крѣпкій градъ Руси—есть вмѣстѣ и истинная крѣпость Россіи, которая не сдастся никакому врагу.

III.

Грустить Россія. Россія грустна. Никогда не вѣрится оковчательно въ русскую радость, въ русскій восторгъ, въ русское отчаяніе, но въ русскую грусть вѣрится — и какъ въ нее не вѣрять! Вѣдь зналъ же это Пушкинъ, восклицая: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Вѣдь зналъ же это Ключевскій, утверждая, что русская грусть есть основное въ исторіи жизни- и душе-настроеніе русскаго народа. Онъ же хорошо намѣтилъ объясненіе ея первоисточника: онъ религиозный, христіанскій, православный; онъ—въ молитвенномъ прошеніи: „Да будетъ воля Твоя!“ Въ войнѣ этой *какъ будто* Россія не грустила: негодовала, надѣялась, восторгалась, иногда близилась къ отчаянію—но нигдѣ не видно грусти. Отъ газетнаго листа не повѣетъ грустью: газета никогда не груститъ: зоветъ къ негодованію, къ осужденію, къ надеждамъ, но грусти вѣтъ. Ни военное донесеніе, ни воззваніе благотворительнаго комитета, ни быстро обѣгающій всѣхъ военный слухъ—не зовутъ къ грусти и какъ будто не вызываютъ ея. Но грустить Россія по-прежнему и больше прежняго, грустить по сѣренъкимъ проселкамъ, грустить въ пыльномъ третьемъ классѣ переполненнаго поѣзда, грустить въ случайномъ тихомъ ночномъ разговорѣ: затѣется онъ случайно, и вдругъ встревожить и поднять со дна грусть—неслучайную, вѣковую, постоянную, ту самую, въ глубинѣ которой тахов и покорное прошеніе: Да будетъ воля Твоя!

Нигдѣ я не видѣлъ такой грусти, сіяющей свѣтомъ тишины, благотворной, неизбежной, отъ лица земли къ Богу идущей, какъ въ Оптиной пустыни, во дни войны. Тутъ

явно — что въ этой грусти, какъ въ живане и самочувствіи, подлинная *Россія*, потому что подлинная *Русь* тутъ же.

Не могу и не смѣю говорить, что такое Оптиная пустынь. На это нѣтъ силъ, нѣтъ умѣнья, нѣтъ права: для каждаго она можетъ быть совсѣмъ иной, новой и своей, иначе религиозно дѣйствующей и по-иному спасающей,—вѣрно только, что непремѣнно спасающей. Вспомнимъ только, что спасались ею такіе разные, какъ Гоголь и Константинъ Леонтьевъ, Иванъ Кирѣевскій и простой мужикъ. Буду говорить лишь о томъ, что она для всѣхъ насъ теперь, въ дни войны.

Народная волна широко плещется въ Оптину. Осень. Монастырскій боръ стоитъ весь золотой, многошумный, сіяющій въ солнечномъ золотѣ. Доцвѣтаютъ послѣдніе цвѣты въ скиту. Тишина на монастырскомъ кладбищѣ. Приходишь не въ первый разъ—и по новому прислушиваешься къ тишинѣ, къ тихому полуночному звону. Неугасимо и благодатно теплятся лампы на могилахъ великихъ старцевъ—Леониды, Макарія и Амвросія. Молишься за нихъ и вспоминаешь ихъ, праведно отшедшихъ.

Опять приходишь къ чугунному кресту на могилѣ Ивана Кирѣевского, что лежитъ въ ногахъ старца Леониды, и вспоминаешь опять слова митрополита Филарета: „Ахъ! гдѣ Богъ удостоилъ его лечь!“—и опять перечитываешь мудрое надгробное напутствіе знаменитому философу и смиреннѣйшему послушнику Оптиному: „Премудрость возлюбихъ и поискахъ отъ юности моея. Познавъ же, яко не инако одержу аще не Господь дастъ, придохъ ко Господу. Узрѣть кончину премудраго и не уразумѣють, что усвѣтова о немъ Господь!“ (Прем. Солом, VIII, 2 и 21). Не удержишься отъ думы: христіанская мысль, смиренно проникшая къ христіанскому вѣдѣнію и подвигу—не въ этомъ ли смыслъ и безмолвный зовъ этой могилы, одной изъ драгоценнѣйшихъ русскихъ могилъ? Не въ этомъ ли причина, что сюда влекло Гоголя, Леонтьева, Алексѣя Толстого, Достоевскаго, Влад. Соловьева, Льва Толстого? Какъ хорошо сказалъ объ этомъ Гоголь въ письмѣ къ Оптиному старцу: „Ради Самого Христа молясь: мнѣ нужно ежеминутно, говорю вамъ, быть мыслями выше житейскаго дрязгу и на всякомъ мнѣсть своего странствія быть въ Оптиной пустыни“. Да, быть въ Оптиной,—быть въ ней всегда, когда пишешь, учишься, работаешь,

страдаешь, умираешь далеко от нея—и быть все же въ Оптиной—„на всякомъ мѣстѣ страствія въ Оптиной“—за долгими и животворными ночными службами, за тихой лаской Оптинской тишины, за правдой оптинскихъ могилъ, за мудрой властью и хранительной любовью оптинскаго старца. Гоголь сказалъ то, что сказали бы всѣ, оживотворенные оптинской любовью и властью, всѣ—отъ Кирѣвскаго до плачущей бабы.

Какъ будто нѣтъ войны, нѣтъ тревоги, нѣтъ смуты. Строго и мудро свершается кругъ церковныхъ службъ. Не суетно проводится время. Безмолвно и радостно въ скиту. Шумить золотой боръ. А народное горе льется, льется сюда—но оно иное здѣсь, чѣмъ въ деревнѣ и городѣ; оставлено за стѣнами все суетливое, виѣшне-плакучее—народная пагота здѣсь воистину смиренна и цѣломудренна. Здѣсь скорбная, плачущая, нищая, тихая Россія. Раненые солдаты бродятъ тихонько по лѣсу или крестятся часто и истово въ темномъ углу собора, опираясь на костыли. Вереницы бабъ тянутся отовсюду, тянутся, какъ къ себѣ домой, на побывку изъ чужой стороны, тянутся съ дѣтьми, съ древними старухами, съ еще болѣе древними стариками... Бѣженки-монашки изъ западной Россіи ютятся гдѣ-то около монастыря, и въ церкви тѣснѣй, чѣмъ всегда, и, кажется, еще тише отъ нихъ. Но не эти только. Вольной офицеръ съ палкой; сельскіе батюшки въ порывавшихъ, помятыхъ рясахъ: ихъ не отличишь издали, если смотрѣть только на лицо, отъ тѣхъ же мужиковъ; парни въ сапогахъ и полушубкахъ, будущіе призывные; и еще, и еще, и еще. Тянется Россія къ здѣшней Русі, а здѣшняя Русь, это—милая, радующая улыбка старца Анатоля, „простога“, какъ зоветъ его народъ, вкладывая всю ласку и нѣжность въ это слово, это—долгія, долгія службы въ полутемной церкви, въ древней неторопливости, покоѣ и свѣтѣ это—ласка православія¹⁾. Всѣ тянутся на эту ласку, за которой сила и жизнь.

Да, оно—ласково. Въ этомъ все. Церковь ласкова. Какія ласка челоуѣку отъ науки, отъ государства, отъ общества, отъ социологія? Никакой и никогда. „Права и обязанности

¹⁾ О ласкѣ Церкви есть примѣчательныя замѣтки въ послѣднихъ книгахъ В. В. Розанова „Уединенное“ и „Опавшіе листья“.

гражданина“. „Прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками“. „Законъ убывающаго плодородія почвы состоитъ въ томъ, что...“ „Всякій, входящій въ составъ политической партіи обязанъ...“,—вотъ что слышитъ человѣкъ внѣ Церкви, но что это душѣ, но что это человѣку съ его неоплаканной скорбью и духомъ неутолимымъ?

Государство всегда строго: только тогда оно и государство—ласковыхъ государствъ нѣтъ. Наука—предъ человѣческой душой, какъ вѣмка бонна съ вымытымъ, чистымъ, хо лоднымъ лицомъ безъ улыбки: не узнаешь, сердится-ли или довольна: скучное лицо,—не пожалѣешь, не поддержишь, не порадуется надъ человѣкомъ. Соціализмъ—завидучъ, съ глазами завидучими: мысль социалистическая всегда вещна—некогда улыбнуться и охоты нѣтъ, нѣтъ влеченія къ чело вѣку—надо производить и распредѣлять вещи. Не до чело вѣка. Конечно, въ искусствѣ есть улыбка и ласка, но она идетъ не ко мнѣ, Петру, Ивану, Василию, а вообще къ лю дямъ: всѣмъ—и никому, т. е. въ концѣ концовъ тоже ни кому.

И только въ Церкви ласка каждому, только *Ей* каждый ну жденъ, о каждомъ забота, до cadaго дѣла: Она—отвѣтчица и на боль, и на радость, и на смерть, и на рожденіе—и не на боль, радость, смерть *вообще*, а на отдѣльную, *мою*, *мнѣ* большую боль, *меня* берущую смерть, *меня* охватывающую радость. Земля—большое, больное мѣсто, и всѣмъ больно, всѣмъ—совсѣмъ не отъ социальныхъ несовершенствъ больно, не отъ политическихъ неурядицъ, не отъ того даже, что болѣемъ и старѣемъ, а метафизически больно, внутренне, гдѣ-то въ глубинѣ всего существа человеческого больно изначально больно, какой-то корень человеческого существо ванія болѣзнь и поеть постоянно: это—то безликое, всеобщее, метафизическое „плачется“, которое таятся за всякимъ лич нымъ „плачу“. Этого не утѣшить искусство, не исцѣлить наука, не устранить государство—они лишь отвѣчаютъ сквозъ зубы на боль всечеловѣческую: „Законъ такой-то состоитъ въ томъ, что...“ „Проблема распредѣленія при социалисти ческомъ строѣ ставится...“

Я говорю не о богословской системѣ, не о книгѣ, а о *мѣ стѣ Церкви*, о совсѣмъ опредѣленномъ, реальномъ мѣстѣ, на которомъ можно стать и плакать, или радоваться, о мѣстѣ, на

которомъ стоишь и знаешь, какъ тебя, въ твоей всечеловѣческой, древней метафизической боли жалѣютъ, ласкаютъ, правѣчаютъ, преодолеваютъ твою древнюю боль отовсюду: древніе огоньки свѣчей—огни еще катакомбныхъ временъ,—древняя, съ древними слезами и надеждой, пѣснь „Свѣте тихій“, древнія страницы изъ „Притчей Соломоновыхъ“, древній и вѣчно новый разсказъ евангельскій, какъ Христось пожалѣлъ наннскую вдову и воскресилъ ей сына. Пожалѣлъ Богъ человѣка, что больно человѣку, и пожалѣлъ человѣчески-просто: душевно, тихо, но такъ, какъ не можетъ пожалѣть человѣкъ: до конца, до полного устраненія метафизическаго корня этого общечеловѣческаго больно: *воскресилъ*.

Религій иудейская и греческая ласкали тѣло: одна говорила ему: „плодитесь и множьтесь“—это ласка тѣлу: ты хорошее, доброе, нужное; Афродита, чтимая и изваянная,—это тоже ласка тѣлу: ты прекрасное, ты блаженное, ты вѣчное... Но *душу* обѣ не ласкали, до глубокаго метафизическаго корня человѣческаго „больно“ обѣ не доходили. „Множьтесь“—а если не хочу множиться, потому что больно, и душа изнываетъ отъ этого „больно“? Страдающему Іову не скажешь: „множьтесь“. Отвѣтить Іову нельзя было Богу и не нужно. но душу его охватить нужно было лаской Церкви, церковно—обрадовать надо было, а это могъ бы только Христось: онъ первый обласкалъ человѣка, ибо первый, и единственный былъ Бого-человѣкъ. И греки древніе оттого и печалились и грустили—мы мало обращаемъ вниманія на эту древнюю греческую скорбь—оттого, что не знали метафизической этой ласки Бога къ человѣку. И Сократа хорошо бы приласкать церковной лаской; Сократъ умиралъ грустно, честно и одиноко, умиралъ, какъ воинъ, окруженный врагомъ: пробиться нельзя, остается достойно и безнадежно умереть, и какъ хочется, чтобы его, грустнаго и безнадежнаго, пожалѣлъ Христось—вотъ такъ, какъ обласкалъ наннскую вдову, блудницу съ ароматами и разбойника на крестѣ. Гдѣ же эта ласка у евреевъ и у грековъ? Ея нѣтъ нигдѣ, кромѣ Церкви: это Ей одной далъ Христось охоту и силу вырвать корень метафизическаго, вѣчнаго, глубочайшаго и всяческаго „больно“ изъ человѣческаго существованія. Іоаннъ Златоустъ сказалъ: „Богъ и намѣреніе цѣлу-

еть“,—ну, а вотъ Церковь душу цѣлуетъ реально, дѣйствительно, ощутимо. Не катехизисомъ, конечно, не богословской статьей, не патріаршествомъ или синодомъ, а вотъ этимъ единственнымъ въ мірѣ поцѣлуемъ, тихимъ, древнимъ и непрерывнымъ поцѣлуемъ Церковь цѣлуемъ въ полутемномъ храмѣ съ красненькими огоньками на канунѣ за умершихъ, предъ Спасомъ и Богородицей, въ долгомъ и тихомъ протяженіи вечерней службы, за которой и изъ Соломона прочтуть, и помянутъ ласку Христову людямъ, и поплачутъ вѣчными слезами о томъ, что дни человѣческіе, какъ трава, и о томъ, что „отъ юности моя мнози борють мя страсти“—и обрадуютъ вѣстью о воскресеніи,—и сколько во всемъ этомъ древнихъ и новыхъ слезъ смѣшалось, и сколько накопилось за вѣка тишины и покоя, смѣнившихъ прежде—іудейское, греческое, языческое—„больно“. Церковь цѣлуетъ каждого и каждую лично, отдѣльно,—порознь каждого и всѣхъ вмѣстѣ, всегда и ежечасно, въ каждую нужную минуту.

Я вигдѣ и никогда такъ ясно и незабываемо не чувствовалъ этого поцѣлуя Церкви, укрѣпляющаго и исцѣляющаго душу, возстанавливающаго жизнь, на себѣ и на другихъ, какъ въ Оптиной пустыни.

Съ утра передъ кельей старца, въ церковной трапезной и въ сѣняхъ ждетъ народъ. Раненый офицеръ; монашка-бѣженка; бабы—всякія: старья, молодья, шумливыя, безпкойныя, тихія, зажиточныя, нищія; дѣти: кто на рукахъ у матери, кто бѣгаетъ и смѣется; монахи; мужики; курсистка изъ Москвы; сельскій батюшка; я самъ. Какіе мы разные! Какъ все, рѣшительно все, у насъ разное, пестро, путанно. Но всѣмъ больно. На разные лады больно, но больно. За этими болями мысленными, физическими, духовными, одиноко личными, общими—русскими, за этими многоликими болями сильнѣе и больнѣй всѣхъ болей та вѣчная, метафизическая боль, которую легче всего опредѣлить апостольскими словами: „единѣи человекомъ грѣхъ въ мірѣ вииде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся челоуѣки вииде“.

Тамъ, у тихаго озера Свѣтлояра, эта боль многоголоса, иногда шумлива, иногда косноязычна, иногда глубоко недоумѣнна.

Она тянется къ врачу: боль врача щецетъ,—мучится тѣмъ, что дойти до врача трудно, слабѣетъ на пути и всетаки вѣрить, вѣрить, что Врачъ есть, что Врачъ излѣчитъ всѣхъ, вмѣстѣ, соборно. *Здѣсь*, вышедшіе оттуда уже пришли—и вотъ лѣчатся, и вотъ припадаютъ къ Врачу въ Его вѣчномъ домѣ—въ Церкви.

Въ два часа выходитъ старецъ къ этимъ разнымъ, пестрымъ и впервые собраннымъ вмѣстѣ. У него и словъ-то почти нѣтъ; то, что онъ говоритъ, просто и очевидно до крайности, зналъ и раньше, читалъ, слышалъ, помнилъ—и вотъ, слышишь отъ него въ *первый* разъ. Рѣшеніе, которое онъ предлагаетъ, сотни разъ приходило на умъ—и нѣтъ: оно *ново*, оно въ *первый* разъ. Разные—при немъ не разные, и общій корень страданія, общая боль обнажается до конца. Онъ всѣхъ объединяетъ лаской и поцѣлуемъ Церкви. „Богъ и намѣреніе цѣлуетъ“—вотъ и онъ, научившись у Бога, у Христа, цѣлуетъ всѣхъ, не разбирая—однихъ за горе, другихъ за радость, однихъ за слезу, другихъ за улыбку, тихихъ за тишину, у тѣхъ, кому больно, боль ихъ цѣлуетъ, у тѣхъ, кому свѣтло, свѣтъ ихъ цѣлуетъ. Предъ нимъ, въ тишинѣ и простотѣ, впервые начинаешь самъ видѣть себя—свою душу и начинаешь видѣть *свое*: вотъ то свое, въ чемъ вязнетъ жизнь и глохнетъ душа, изнываетъ сердце, и чему простое и страшное имя: грѣхъ.

Отворилась дверь. Вышелъ онъ бодро, быстро, благословляетъ такъ, какъ никто кромѣ него не благословляетъ: какъ будто дарить что-то, подарокъ передаетъ изъ руки въ руку, одѣляетъ чѣмъ-то милымъ и сладкимъ, и всѣ ждутъ, и просятъ, и рады этому его подарку. Бабы плачутъ около него, бабы изъ осиротѣлыхъ деревень: почти у всѣхъ есть убитые, раненые, пропавшіе на войнѣ. Вотъ, кажется, захлестнетъ его, слабого и стараго, волна народнаго горя. Гребень волны воетъ и плачетъ.

— Родимый ты нашъ! Одинъ ты у насъ остался! Больше никого нѣтъ—всѣхъ взяли. Ты одинъ остался! Одинъ ты нацп!—Льнутъ къ нему, плачутъ долго накопленными слезами тихо и безукорно.

Блѣдное и остановившееся, что-то все время хранящее въ себѣ, лицо у одной бабы. Еще молодая, но гдѣ ея молодость? Въ сѣромъ платкѣ, съ котомкой за плечами—вся недоумѣ-

віе и скорбь, она безъ слезъ, тихо склоняется предъ нимъ, и едва слышно, что она говоритъ ему:

— Годъ не пишеть. Годъ безъ вѣстей. Молиться—не знаю какъ. Нѣтъ знатя: живъ или померъ, панихиду или молебень служить? Пстомились я. Научи ты меня.

— Что ты, что ты! Молебень служи,—поднимаетъ онъ ее, благословляя.

— Кому, батюшка?

— Нечаянной Радости молись.

И свѣтлѣеть ея лицо, и прямѣ идетъ она, словно расту онъ ей прибавилъ. Она вѣритъ: Нечаянная Радость обрадуетъ ее. И она права: радость неисчерпаема и она вся нечаянна, ибо вся—даръ Божій. А онъ не сказалъ, не взялъ на себя сказать, какая это будетъ радость. Онъ только зналъ, что Богъ не минуеть человѣка радостью. Немудрый отвѣтъ, немудрая ласка. Но вотъ этого-то немудраго, простого, оживляющаго и восстанавлиющаго изнемогающую душу, восстанавлиющаго образъ Божій въ человѣкѣ и нѣтъ нигдѣ въ мѣрѣ, кромѣ Церкви, и никому другому не дано давать этого отвѣта.

Я вернулся въ сѣнцы старца черезъ много часовъ, около девяти вечера. Отошли всѣ службы въ монастырѣ. Старецъ сидѣлъ на скамеечкѣ у растворенныхъ дверей своей кельи и благословлялъ на сонъ грядущій монаховъ, подходившихъ къ нему одинъ за другимъ: ласкалъ за день, цѣловать на ночь, ласкалъ за сѣрыи, можетъ быть, тягостный, мирный или немирный день, цѣловать на ночь, можетъ быть, тяжелую и мучительную однимъ, тихую и простую другимъ. Но всѣхъ ласкалъ, каждого цѣловать. А они подходили всякіе: совсѣмъ мальчики съ ювыми мужиковатыми лицами, старики, тихіе и улыбающіеся въ бороду по-дѣтски, и старики сухіе, высокіе, суровые. и всякіе, всякіе. А ласка всѣмъ. Старецъ усталъ за день. А конца не видно. Монахи пропдутъ—ждутъ исповѣдники, опять бабы, опять всякія. И такъ каждый день.

Глупое слово срывается поневоля: Церковь организуетъ ласку людямъ, метафизическую ласку, цѣлящую душу, врачующую тѣло, идущую прямо отъ Христа, но совершенно реальную, осязаемую, живую. Что реальнѣй, чѣмъ этотъ сухой старичокъ, быстрип, веселый, всѣхъ

радующей: реально поводитъ рукой по головѣ, реально улыбается, реально ко всѣмъ торопится, всѣхъ встрѣчаетъ на полпути ко Христу, на первомъ шагѣ къ Нему... Овъ добръ не собственной добротой,—хотя, конечно, овъ, до очевидности, и лично добръ, каждымъ своимъ суставомъ и кровинкой,—добра Церковь, ласкова Церковь, цѣлуеть Церковь челоуѣка—оттого добръ, ласковъ, цѣлуеть и онъ; этого старичка и нѣтъ, не можетъ быть внѣ Церкви, а она добра, ласкова, она цѣлуеть потому, что цѣлуеть Христось челоуѣка. Овъ сталъ на грубое и жестокое мѣсто міра: на древнюю скорбь и отчаяніе, на древнее „больно“ — и на немъ основаль Свою Церковь. Въ ней же, на этомъ мѣстѣ стоить старичокъ, къ которому львуть и бабы, и Кирѣевскіе.

Осень. Сколько опавшихъ листьевъ въ оптискомъ бору—золотыхъ, красныхъ, желтыхъ, багровыхъ! А въ Церкви старое золото, листикъ за листикомъ благодатно отпадая отъ нестоцимаго церковнаго древа, падаетъ на каждаго и на каждую.

А народная туга и скорбь плещутся, плещутся, не слабѣя. Рассказываетъ монахиня - бѣженка; а сама слышала отъ мужичка: прѣхалъ съ хворостомъ и рассказалъ.

— Гдѣ же это было?

— Не знаю, гдѣ. А только въ деревнѣ у войны. Стояла избушка бобылкина у околицы, нежилая. И видитъ народъ: ночью, о полночь, старецъ бѣлый приходитъ и свѣтъ возжигаетъ въ избушкѣ, и всю ночь со старицей бесѣдуетъ, а старица лицомъ благообразна, а одѣявіе темное. Вызвался парень: Погляжу, говоритъ, кто такіе. Что дадите?—Рубль дадимъ.— Пошаль глядѣть, въ вечеру въ избу пришелъ, залегъ на печи, притулился, словно мертвый лежитъ. Передъ полночью дверь скрипъ, и входитъ старецъ, крестомъ осѣняется. Старецъ согбенный, одѣявіе бѣлое, суровое, мѣшокъ за плечами, посошокъ, лицо ясное. Помолнися на образъ, свѣтъ зажечь. О полночь всталъ и земной поклонъ кладець — и дверь растворяется. И входитъ старица: ликъ свѣтлѣйшій и благой, но только въ скорбяхъ истомлевъ, одѣявіе старицы, какъ у монахини. Въ снѣмъ она. Сѣла старица за столъ, а старецъ земно ей кланяется и молвить ей:— Три года, Госпожа, не выдержитъ Русь: кровью изойдетъ и живота ли-

шится. Моли, Госпожа.—Молила,—отвѣчаетъ,—и на годъ укорочено время.—Моли, Госпожа. дабы еще укоротить, и сего Русь не выдержитъ: слабѣетъ. Крови много ушло.—Молила,—говорить,—не принята моя молитва: по грѣхамъ ея не укоротится срокъ сей. Два года молитвы мои не воспримутся о ней.—Моли, Госпожа.—Сталъ старецъ на колѣни. Встала старица, лицо свѣтлое, а скорбитъ скорбно.—Молю—и не доходитъ молитва: два года Руси испытаніе назначено и не отнимется отъ нея.—И тутъ стали они промежъ себя говорить, тихо и горестно, и все о войнѣ. И долго говорили они. А потомъ подошелъ старецъ бѣлый къ печи, гдѣ паренъ лежалъ и молвить: Ну, вставай, иди къ намъ. Видѣть насъ хотѣлъ. Смотри.—А у того глаза свѣтъ заститъ, языкъ вѣмѣетъ.—На рубль-то, что сулили тебѣ,—старецъ говоритъ и протягиваетъ ему въ руку. И кажется тому, будто рубль въ рукѣ. Поглядѣлъ: никого нѣтъ. Свѣтаетъ. А рука къ рукѣ присохла, кисть къ кисти. Такъ все и узнали.

— Два года! — восклицаетъ кто-то горестно. — Выдержимъ-ли?

— Ни кто, какъ Богъ.

И всѣ крестятся молча, въ разъ—и жмутся другъ къ другу, а всѣ вмѣстѣ къ старцу, къ его дверямъ.

Можно-ли скорбѣе переживать нынѣ переживаемое? Два года Самъ Христосъ молитвъ Матери Своей за Русь не будетъ слушать. Кто-же и какъ послѣ этого дерзнетъ молить? Нагрѣшила Россія и прогнѣвала Бога безпримѣрно. Но вѣтъ въ нихъ отчаянія. Они не одиноки, какъ мы. Вѣдь ихъ послѣднее и самое прочное—это прошеніе: „Да будетъ воля Твоя“. Оптина—для нихъ мѣсто, гдѣ это прошеніе особенно легко, полновѣсно и свободно можно вознести Богу, а старчество оптинское все, до основанія, на этомъ и построено: „Да будетъ воля Твоя!“ Старчество для современнаго рационалистическаго своеволя, для этого безпримѣрнаго одиночества человѣческаго ума, покинутаго на самого себя,—есть особая удесятөревная нелѣпость. Свобода подчиниться и свобода не принять подчиненія—въ старчествѣ такъ же велика, какъ и вообще въ христіанствѣ. Старчество, какъ и христіанство, все основано на благодати, а не на законѣ, и однако эта свобода ведетъ къ величайшей покорности. „Хочу жениться, батюшка“. — „Нѣтъ, тебѣ это не полезно“. И не же-

нится.— „Хочу въ монастырь“. — „Нѣтъ, иди въ міръ“. И идетъ. „Не хочу міра, хочу монастыря“. — „Нѣтъ, пиши романъ“. И пишетъ. (Случай съ К. Леонтьевымъ и великимъ старцемъ Амвросіемъ). Вотъ, что такое старчество. Но безсходное эмпирическое и метафизическое одиночество чело-вѣческой личности падаетъ, какъ прахъ, при этомъ. Про современнаго чело-вѣка Тютчевъ точно выразился:

На самого себя покинуть онъ,—

на свою собственную ограниченность, легкую, вѣшнюю и внутреннюю, эмпирическую и метафизическую, исчерпаемость, на свою короткую предѣльность, на свое слабосиліе и малодушіе. Современный чело-вѣкъ *все* ставитъ и возлагаетъ на себя, на свою мысль, волю, силу: онъ самъ себя обдумаетъ, онъ самъ защититъ себя, онъ самъ волютъ о себѣ. И вотъ, гибнетъ его воля, беззащитенъ онъ со своей защитой, не обдумала всего и всецѣло его мысль. Онъ самъ какъ бы покидаетъ себя. Въ чемъ тогда искать опоры? Природа равнодушна и холодна. Наука, это—лишь разятая на части, препарированная природа, она еще равнодушнѣе, ибо даже не жива. Искусство — но оно безпомощно, какъ самъ чело-вѣкъ, его высшій объектъ и субъектъ. Философія возвращаетъ меня ко мнѣ же, ибо—учитъ она—все, какъ мое представленіе, оказывается исшедшимъ изъ меня же. Богъ не стоитъ за чело-вѣкомъ. И безграничное отчаяніе овладѣваетъ имъ,—ибо вонстиву на самого себя покинуть онъ.—

Упраздненъ умъ, и мысль осиротѣла,
Въ душѣ своей, какъ въ безднѣ, погруженъ.
И нѣтъ извнѣ опоры, ни предѣла.

Въ Церкви же нѣтъ одиночества, и потому нѣтъ отчаянія, ибо нѣтъ этой невыносимой для чело-вѣка покинутости на самого себя. Не удалось мое дѣло — *мое*: безразлично, чье: меня, отдѣльнаго чело-вѣка, меня, цѣлаго народа — я знаю: есть Нѣкто, Кто поможетъ мнѣ совершить это дѣло, если ему должно совершиться. Не исполнилась моя надежда,—все равно какая: личная, національная, всенародная—я знаю: не отъ меня зависѣло всецѣло исполненіе ея, я не одинъ; за мною есть Сильнѣйшій меня, истинный Дѣлатель въ мірѣ и въ чело-вѣчествѣ. И никогда, ни на одинъ мигъ не покинуть на

самого себя, на свою одну волю, на свою одну мысль. Тысячи нитей связывают меня съ цѣлымъ. Я не слагаемое въ суммѣ, гдѣ я исчезаю, какъ особь. Я ячейка живого существа, я клѣточка могущественнаго и вѣчно живого организма — Церкви Христовой. Недавно послалъ Богъ Россіи мыслителя, кн. Д. А. Хилкова, убитаго на этой войнѣ¹⁾. Онъ пишетъ: „Члены Церкви Христовой суть какъ бы живыя клѣточки Его тѣла и всѣ вмѣстѣ, въ совокупности и съ Главою своею—Христомъ, составляютъ одинъ Богочеловѣческій организмъ“. Возможно ли одиночество и отчаяніе живой клѣтки въ живомъ организмѣ? Это—очевидная нелѣпость и невозможность. Клѣточка жива и связана всецѣло съ жизнью всего организма. За существованіемъ отдѣльной клѣточки, отдѣльнаго человѣка, стоитъ существованіе огромнаго и вѣчно живого организма — Тѣла Христова, Церкви. Задача же клѣтки—въ полнотѣ выполненія ея доли участія въ жизни организма. И эта жизнь человѣческихъ клѣточекъ въ Церкви безгранично разнообразна, глубоко индивидуальна и полна. Вотъ, человѣкъ-клѣточка участвуетъ въ жизни организма Церкви—исполненіемъ заповѣди милосердія. Вотъ, клѣточка-человѣкъ, живущій даромъ мыслитвы, присущимъ ему. Вотъ, клѣточка-человѣкъ, связующій свое существованіе съ существованіемъ цѣлаго организма, мыслительнымъ служеніемъ Христу—Божественному Логосу. Вотъ, двѣ клѣточки, сливающіяся въ одну: это исполнившіе заповѣдь любви къ другу, это тѣ, кто въ агапической любви всего организма-Церкви участвуютъ своею любовью,—дружбой—*φιλία*, это двое въ душу и духъ одинъ; ихъ дружба, ихъ утвержденіе себя въ другомъ и обоихъ—во Христѣ есть церковный прорывъ одиночества; въ любви-дружбѣ (*φιλία*) уже не покинуть человѣкъ на самого себя. Нѣтъ возможности указать на все многообразіе жизни отдѣльной клѣтки въ организмѣ Церкви, и каждая такая жизнь есть разрушеніе эмпирическаго и метафизическаго¹⁾ одиночества — всяческаго одиночества.

¹⁾ Его письма печатаются въ „Богосл. Вѣстк.“ за 1915—16 г.; отдѣльно „Письма кн. Д. А. Хилкова. Вып. I. Изд. Реалистско-филос. Библ. М. 1915 г.

Этого одиночества не знаетъ народъ, пока онъ въ Церкви; онъ переживаетъ свою исторію не какъ *свое* только дѣло. Въ этомъ все. Если не ладится это *свое* дѣло, то руки отваливаются отъ работы, и уныніе овладѣваетъ, ибо не вѣришь ужъ въ свои силы. Народъ переживаетъ каждый страдный часъ исторіи, какъ великое испытаніе, за которымъ есть Испытывающій: Богъ, Который не даетъ человѣку быть одинокимъ. Народъ можетъ слабѣть и грустить, но есть Крѣпкій, *Святый жрътвникій*, Который не ослабнетъ. Вотъ этой вѣрѣ въ Святаго крѣпкаго и учитъ Оптина, и учитъ старчество, и учитъ народная грусть. Народъ, въ Церкви живущій, все въ мірѣ сводитъ къ одному знаменателю, знаменующему силу, и правду, и жизнь,—къ Богу. Оттого, когда Россія въ отчаяніи льнетъ къ газетному листу, къ военной телеграммѣ верховнаго главнокомандующаго, къ слуху, сообщающему, сколько изготовлено шрапнели, Русь льнетъ къ молитвѣ, къ незримому Китежу, къ зримой Оптиной пустыни,—къ Богу. И онъ находитъ, что ей нужно: находитъ великую, святую тишину въ себѣ. Безъ этой тишины въ себѣ невозможно никакое ни личное, ни историческое народное благое дѣланіе. Служеніе верховнымъ задачамъ блага—личнаго или сверхличнаго, какъ и служеніе жузъ, „не терпѣть суеты“: оно „должно быть величаво“.

Есть только одно мѣсто на свѣтѣ, навсегда лишенное суеты, изъятое изъ міра человѣческой случайности, изъ міра природной необходимости и беззащитности: не государство—оно есть олицетворенная и узаконенная необходимость, не общество—оно есть живая случайность и переменность, это—Церковь, Тѣло Христово, живой организмъ, исполненный истинной жизни, состоящій изъ живыхъ клѣточекъ, живущихъ и въ цѣломъ, и въ себѣ, не выходя изъ цѣлага. Только живя въ благомъ устройствѣ и тишинѣ этого организма, не знающаго суеты, случайности и слѣпой необходимости, только живя и соучаствуя въ немъ, мы обрѣтаемъ тишину въ себѣ, дающую силу для дѣйствительнаго величаваго дѣйствованія—личнаго, общественнаго и народнаго, потому что Глава и Начальникъ этого тѣла и организма, Христосъ, есть *виѣстѣ* и *Начальникъ тишины*. Да, такъ именуетъ Его Церковь, когда благодарно поетъ Его Матери: „*Ты бо, Богомъветная, Начальника тишины—Христа родила еси,*

Еди́на Пречистая“. „Начальникъ жизни“, Христосъ вѣсть есть вонститу и *Начальникъ тишины*, ибо суетливо и шумливо лишь слѣное бываніе, мнимый образъ жизни, а не истинное бытіе и жизнь, которыя обрѣтаются въ вѣчномъ покоѣ и полнотѣ.

Къ этому *Начальнику тишины* обращены и тапная китежская молитва у стѣвъ тихаго града Невидимаго, и тихая, хотя и явная, молитва тихихъ ночныхъ службъ оптинскихъ,— тихая молитва непримѣтной и молчаливой святой Руси. Пусть же она, въ тихости и смиреніи своей молитвы, въ тишинѣ своей покорности: „Да будетъ воля Твоя“—до конца припадетъ къ единому Владыкѣ — Начальнику тишины, и Онъ, Начальникъ жизни, дастъ ей вѣнецъ жизни.
